

Пролог

Венгерское королевство, Чахтицкий замок (Чейт), 1611 год

С высоты птичьего полета, на какой находилась башня-донжон, открылся вид на холмистые просторы Малых Карпат, петляющую среди зеленых виноградников и полей кукурузы желтую дорогу, ведущую из замка в деревню. Яркое полуденное солнце застыло в нежно-голубом прозрачном небе, заключив землю в знойные объятия, но даже эти объятия были бессильны перед каменными стенами мрачного замка-крепости, облюбовавшего вершину голого скалистого холма.

Властительница здешних мест, графиня Эржебет Батори, стоя у окна, зябко куталась в меховую накидку. Признанную красавицу при императорском дворе душили гнев, злоба и донимала пульсирующая головная боль. Ее, представительницу славного рода Батори, посмели заточить в собственном замке, посадить под домашний арест! Дочь палатина Венгрии, сестру короля Польши, вдову славного героя, победителя турок Ференца Надашди, прозванного «Черный бей», сделали пленницей! Вот уже шесть дней держали ее под стражей и не давали свободно передвигаться в собственных владениях. Чтобы еще больше унижить и усугубить мучения, держали ее в верхних помещениях башни, не предназначенных для проживания, где не было камина, спать приходилось на жестком топчане, а из-за открытых проемов окон, больше похожих на бойницы, постоянно властвовали сквозняки.

И было бы из-за чего: королевская комиссия нашла в подвале замка мертвые тела трех служанок-простолюдинок, плохо справлявшихся с работой! «Я их госпожа, властительница, и мое право выбирать им меру наказания за их проступки! — возмущалась

графиня. — Я Батори, во мне течет королевская кровь, кто может судить меня и указывать, что я должна и что не должна делать?!»

Графиню трясло от бессильной ярости, требовавшей немедленного выхода. Пульсирующая боль изнутри была молоточками в виски, словно в голове зародилась новая жизнь, стремящаяся, разбив скорлупу-череп, выйти наружу. Как славно жилось в весьма недалеком прошлом, когда, стоило ей только позвать Дорко и Йо Илону, как те являлись, зная, что требуется их госпоже и как унять ужасную головную боль, терзающую ее еще со времен девичества. Ведь самый верный способ избавиться от нее, неоднократно проверенный, — это принести еще более мучительную боль другому, точнее другой. Нежные тела девушек корчились от прижигания раскаленной кочергой, или от клещей, вырывающих куски плоти, или от иголок, вонзающихся под ногти. Какое блаженство, когда можно самому сеять мучения! Воспоминания легли бальзамом на душу, помutilи сознание, и Эржебет, забывшись, закричала:

— Эй, прислуга! Дорка! Фиско! Ката! Йо Илона! Где вы, бездельники? Немедленно ко мне!

Никто не отозвался на зов, крики графини становились все более истеричными, затем стали стихать, и она зарыдала, вдруг ощутив себя маленькой беспомощной девочкой, чья жизнь зависит от чужой воли.

Почти сорок лет тому назад десятилетнюю Эржебет, не считаясь с ее желаниями, отвезли в замок Шарвар к матери жениха, ненавистной Оршоли Надашди. Даже теперь ненависть жгла Эржебет изнутри, когда она вспоминала, сколько пришлось претерпеть унижений от этой женщины, воспитывавшей будущую невестку так, как она считала нужным. Долгих три года Эржебет терпела, сломленная и покоренная, пока не удалось отпроситься повидать перед свадьбой мать и братьев. Оказавшись в родном замке, Эржебет заявила матери, что больше не вернется в замок Шарвар, к ужасной Оршоли Надашди, постоянно читающей ей нотации по поводу того, как следует себя вести. Но вдова Анна Батори, ослепленная богатством семейства Надашди, ничего не

желала об этом слышать. Именно поэтому произошло постыдное грехопадение Эржебет с сыном мелкопоместного дворянчика Иштваном Радо, который был старше ее всего на два года.

Эржебет попыталась восстановить в памяти внешность соблазнителя, но не смогла. Единственное, что помнилось: тот был долговяз, неуклюж и, лишая девственности, не принес ей удовольствия, лишь боль. Эржебет надеялась, что грехопадение позволит ей остаться в родном замке, а Иштван будет супругом ничем не хуже Ференца Надашди, которого она до сих пор в глаза не видела. Девушка не могла набраться храбрости во всем признаться матери, пока не стало ясно, что она беременна. Как раз подошло время возвращаться в замок жениха, где уже готовились к свадьбе.

Такой разъяренной Эржебет никогда еще не видела маму и многократно пожалела о своем проступке. Теперь ее единственным желанием было скрыться с глаз матери. Анна Батори понимала, что, сколько не рви на голове волосы и не ругай дочь, положение не исправишь. Нечего было и думать, что богатые и гордые Надашди примут в свою семью опозоренную Эржебет, и у той после рождения ребенка был только один путь — уйти в монахини. Но и это не поправит ситуацию, и позор Эржебет падет на всю семью Батори! От них отвернутся родственники, и братья распутницы не смогут рассчитывать на высокие должности при королевском дворе. Эржебет, осознав всю тяжесть содеянного, запертая в своей комнате, непрерывно рыдая и молясь, мечтала лишь о смерти. Именно с той поры головная боль, лишь изредка ее посещавшая, стала невыносимой, словно это была кара за ее грехопадение.

Вначале Анна собралась было созвать близких родственников на большой семейный совет, выслушать их мнение о том, как поступить, но передумала и решила сохранить тайну. Чтобы избежать позора, она прибегла к крайнему средству — обратилась к колдунье Дарвуле, жившей в лесу. Уродливая колдунья выслушала просьбу княгини Анны: освободить от презренного плода чрево Эржебет и колдовскими средствами вернуть той девственность.

— Не сможешь — и тебе не миновать встречи со святой инквизицией, — пригрозила в заключение графиня и с надеждой посмотрела на грязную старуху.

Та, уставившись в пол, стала раскачиваться, ее губы что-то беззвучно шептали.

«Ой, не поможет колдунья, не избежать позора!» — Сердце Анны тоскливо сжалось.

Неожиданно колдунья заунывно и едва разборчиво произнесла:

Входит в сердце тоски клинок,
Лучше дни коротать в разлуке,
Лишь бы не было этой муки.
Может, жизнь проведя отдельно,
Не страдали б сейчас смертельно.

— Что ты этим хочешь сказать? — нахмурилась Анна. «Колдунье оказали честь, а она говорит загадками!»

— Не жаль тебе будет золота, госпожа? Моя помощь стоит дорого — сто золотых полновесных монет, — усмехнулась колдунья, сморщив и без того морщинистое, отвратительное лицо с бородавками, поросшими длинными редкими седыми волосками.

— Сделаешь, что требуется, — получишь золото.

— Если молодая графиня будет следовать моим советам, то все будет так, как пожелает госпожа графиня.

— Она будет тебе послушна, но помни: твоя жизнь в моих руках, как долго ты проживешь, зависит от твоих стараний!

С колдунией днем и ночью не спускали глаз приставленные к ней гайдуки, чтобы та не вздумала бежать. Но, несмотря на предпринимаемые усилия, плод преступной любви никак не хотел покидать тело юной графини. Вновь Дарвуля предстала перед графиней Батори.

— Госпожа Анна, я не хочу применять более сильные средства, так как это может повредить здоровью вашей дочери и лишит ее способности рожать.

— Проклятая колдунья, ты обманула меня! Тебе это так просто не сойдет с рук! Вначале ты отправишься в подвал к крысам, а потом я тебя отдам в руки инквизиции! С улыбкой буду наблюдать за тем, как ты корчишься в пламени костра!

— Госпожа Анна, моя смерть недолго будет тешить вас, а вам все равно не избежать позора. Прошу вначале выслушать меня и лишь затем принимать решение.

— Говори, колдунья!

— Госпожа Анна, отправьте вашу дочь в один из ваших дальних замков, а семье жениха сообщите, что она серьезно больна и требуется время для ее излечения.

— Ты думаешь, что Надашди поверят и не захотят провести Эржебет, чтобы выяснить правду? Да ты, колдунья, просто безумная!

— Я знаю, что говорю, госпожа. Как требуется поступить, когда «черная смерть» начинает свою ужасную жатву?

— Безумная, ты хочешь напустить на нас чуму?!

— Чумы не будет, но несколько человек из селений, которые находятся рядом с замком, заболеют и умрут. Этого будет достаточно, чтобы, выполняя королевский указ, гайдуки перекрыли все ведущие сюда дороги и никого не выпускали и не впускали, предотвращая тем самым распространение чумы. Захочет ли графиня Надашди увидеть невестку, приехавшую из чумного края? Вы сообщите ей о постигшем ваши владения несчастье и о том, что отослали дочь в дальний замок, чтобы уберечь ее от напасти.

— Хорошо, я послушаюсь твоего совета. Надеюсь, что первыми, кого поразит «черная смерть», станет презренное семейство Радо.

— Как будет графине угодно.

Все получилось так, как предсказала колдунья, и по истечении семи месяцев Эржебет разродилась девочкой. Эпидемия чумы в окрестностях замка Эржед прекратилась так же внезапно, как и началась. Окрепнув, Эржебет отправилась в замок Шарвар и по совету Дарвули взяла с собой в качестве при-